

НАКАЗУЕМОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВИРТУАЛЬНОЙ ВАЛЮТЫ

© 2023 г. М. М. Долгиева

Генеральная прокуратура Российской Федерации, г. Москва

E-mail: novator111@mail.ru

Поступила в редакцию 17.07.2022 г.

Аннотация. Инновации в сфере компьютерных технологий и финансовых активов затрагивают все сферы жизнедеятельности общества и государства, в том числе и его правоохранительные органы. Новые виды посягательств, к которым относятся преступления, совершаемые с использованием виртуальной валюты или в отношении таковой, безусловно обладающие повышенной общественной опасностью, нередко остаются безнаказанными ввиду отсутствия правового регулирования и единообразной судебной практики. Наибольшие риски от отсутствия эффективного уголовно-правового противодействия указанным преступлениям несет общество, поскольку отсутствие наказания, как завершающего этапа механизма привлечения к уголовной ответственности за противоправные нарушения, сводит на нет усилия правоохранительных органов, сталкивающихся с невозможностью привлечения к такой ответственности виновных лиц. Для преодоления указанных противоречий и до принятия законодательных мер необходимы соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, поскольку судебная власть не должна брать на себя полномочия законодательной власти и формировать направления уголовной политики государства.

Ключевые слова: виртуальная валюта, криптовалюта, цифровая валюта, биткойн, цифровые финансовые активы, виртуальные активы, наказуемость преступлений, уголовная ответственность за хищение криптовалюты, преступность и наказуемость оборота криптовалюты, криптопреступность.

Цитирование: Долгиева М.М. Наказуемость преступлений, совершаемых с использованием виртуальной валюты // Государство и право. 2023. № 4. С. 192–196.

DOI: 10.31857/S102694520021176-4

PUNISHABILITY OF CRIMES COMMITTED USING VIRTUAL CURRENCY

© 2023 M. M. Dolgieva

Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Moscow

E-mail: novator111@mail.ru

Received 17.07.2022

Abstract. Innovations in the field of computer technology and financial assets affect all spheres of life of society and the state, including its law enforcement bodies. New types of encroachments, which include crimes committed using virtual currency or in relation to it, which certainly have an increased public danger, often go unpunished due to the lack of regulatory regulation and uniform judicial practice. The greatest risks from the lack of effective criminal legal counteraction to these crimes are borne by society, since the absence of punishment, as the final stage of the mechanism for bringing to criminal responsibility for illegal violations, negates the efforts of law enforcement agencies faced with the impossibility of bringing to such responsibility the perpetrators. To overcome these contradictions and before the adoption of legislative measures, appropriate explanations of the Plenum Supreme Court of the Russian Federation are necessary, since the judiciary should not assume the powers of the legislature and form the directions of the criminal policy of the state.

Key words: virtual currency, cryptocurrency, digital currency, bitcoin, digital financial assets, virtual assets, criminality of crimes, criminal liability for theft of cryptocurrencies, criminality and criminality of cryptocurrency turnover, cryptocurrency.

For citation: Dolgieva, M.M. (2023). Punishability of crimes committed using virtual currency // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 192–196.

Концептуально сложившиеся категории науки уголовного права, с помощью которых выражаются характеристики того или иного поведения, являются одновременно обязательными признаками юридического механизма привлечения к уголовной ответственности. Теоретически обоснованные признаки преступления, к которым относятся общественная опасность и противоправность деяния, а также виновность лица, его совершившего, и, как результат, его наказуемость, — существенные уголовно-правовые категории, наличие которых является обязательным для признания преступления таковым. При этом основное отличие преступления от правонарушения заключается в первую очередь в общественной опасности содеянного. Именно общественная опасность как материальный признак определяет границы уголовно-правовой ответственности.

Понятия преступность и наказуемость деяния соотносятся между собой не только в философском контексте общего развития системы уголовного права, но и в части реализации государством принципов справедливости, неотвратимости наказания за нарушения закона и предупреждения такого поведения в будущем. Вместе с тем в условиях интенсивной «цифровизации» возникают новые правоотношения, которые на данном этапе не урегулированы с точки зрения современных задач государства¹.

В науке права исторически сформировано мнение о том, что наказуемость чего-либо всегда должна исходить из нарушения определенной нормы закона, без которой такая уголовно-правовая категория не имеет под собой основания. На вопрос, является ли наказание обязательным, в 1866 г. ответил проф. П. Д. Калмыков, указав, что «преступление есть нарушение законов» и «наказание служит естественным доказательством того, что преступление должно быть преследуемо и уничтожаемо, а правда утверждаема всеми возможными мерами»².

При наличии соответствующей санкции в уголовном законе проблемы наказуемости в основном сводятся только лишь к внутреннему убеждению лица, отправляющего правосудие, и не вызывают существенных противоречий в практике правоприменителей. Однако в случае, когда общественно опасное деяние, фактически существующее, но не представленное в виде отдельной нормы уголовного закона, ставит под сомнение саму возможность привлечения к уголовной ответственности лица за такое деяние, вопросы наказуемости снимаются сами по себе. И данное обстоятельство порождает безнаказанность очевидного преступного поведения, что, в свою очередь, чревато увеличением числа таких посягательств. К таким безнаказанным деяниям автор относит ряд преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты, к числу которых относятся как классические хищения виртуальных активов, так и преступления, в которых криптовалюта является средством его совершения.

Так, например, Петроградским районным судом г. Санкт-Петербурга по результатам рассмотрения уголовного дела о совершении преступлений, предусмотренных ст. 161, 163 УК РФ, в приговоре был исключен из суммы общего ущерба ущерб, причиненный от хищения криптовалюты (без малого 55 млн руб.), и судом указано, что «в качестве обоснования особо крупного размера хищения учитываются только наличные денежные средства, переданные потерпевшим, а относительно криптовалюты суд указал, что она «не является средством

платежа на территории Российской Федерации, ее нельзя признать объектом гражданских прав и предметом преступления»³. Такая, на наш взгляд, неверная позиция суда первой инстанции была поддержана апелляционным судом, и только в определении суда кассационной инстанции были удовлетворены доводы прокурора о том, что в приговоре суда имеет место неправильное применение норм уголовного законодательства, в том числе и Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴ (далее — Федеральный закон о ЦФА), ввиду которого криптовалюта (биткойны, битшейсеры и дигитайты, переданные потерпевшим вымогателем) могла быть принята в качестве средства платежа, т.е. подпадает под определение «цифровой валюты», содержащейся в указанном Федеральном законе, а потому обозначение ее как иного имущества в предъявленном обвинении *являлось допустимым*⁵.

Рассмотренные судебные решения, в частности, первой и апелляционной инстанций, установивших отсутствие ущерба от хищения криптовалюты, показывают, насколько узко трактуется судебными органами законодательство о цифровых финансовых активах и насколько скудные понятия таких финансовых инструментов, как криптовалюта и иные виртуальные активы, а точнее, они просто отсутствуют в правовых актах, на основании которых суды могли бы обосновывать те или иные свои выводы. При этом утверждения судов о необеспечении виртуальных валют, на основании которых они пришли к выводу об отсутствии предмета преступления, в соответствии с примечанием к ст. 158 УК РФ являлись необоснованными еще и потому, что вопреки доводам суда наличие криптовалюты у потерпевшего было доказано, а сама материальная ценность и экономическая выгода от владения ею была подтверждена в ходе судебного разбирательства.

Аналогичные выводы изложены в определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции⁶ по уголовному делу в отношении осужденного, который утверждал, что требование о передаче ему 10 биткойнов в качестве выкупа за освобождение похищенного им потерпевшего не образует состава преступления, так как цифровая валюта не является денежной единицей и не имеет официального курса, а документального подтверждения ее стоимости в материалах дела не содержится. В кассационном определении суд указал, что при совершении вымогательства умысел осужденного был направлен на получение не цифровой валюты, а ее рублевого эквивалента, соотношение стоимости которых установлено на основании имеющихся доказательств. Кроме того, суд кассационной инстанции посчитал, что биткойн имеет стоимостное выражение, находится в свободном гражданском обороте, может быть принят в качестве средства платежа, после чего допустил собственное широкое толкование ст. 128 ГК РФ, отнеся криптовалюту в качестве иного имущества к объектам гражданских прав, на основании чего сделал вывод, что она может выступать в качестве предмета хищения, определение которого содержится в примечании к ст. 158 УК РФ.

³ См.: Приговор Петроградского районного суда г. Санкт-Петербурга от 30.06.2020 г. по делу № 1-95/2020; апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 23.11.2020 г. № 22-5295/2020.

⁴ См.: См.: СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I), ст. 5018.

⁵ См.: Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24.06.2021 г. по делу № 77-1411/2022.

⁶ См.: Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 02.06.2022 г. по делу № 77-1578/2022 // В официальных источниках опубликовано не было.

¹ См.: Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал рос. права. 2018. № 1. С. 85—102.

² Калмыков П.Д. Учебник уголовного права, составленный по лекциям профессора П.Д. Калмыкова А. Любавским: части: общ. и особ. СПб., 1866. XVI. С. 147.

Аналогичная позиция о признании цифровых валют (криптовалют) предметом хищения изложена Третьим кассационным судом общей юрисдикции в определении от 1 июля 2021 г. по делу № 77-1255/2021, 1-40/2019⁷ со ссылкой на Федеральный закон о ЦФА, разъяснения Министерства финансов РФ и постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 февраля 2019 г. № 1 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»⁸.

В целом Третий кассационный суд общей юрисдикции, как показывает анализ судебных решений, находится в авангарде развития судебной практики в сторону закрепления уголовно-правовой охраны виртуальных активов. Совершенно обратная ситуация имела место при рассмотрении Шестым кассационным судом общей юрисдикции уголовного дела в отношении троих осужденных⁹ по ст. 159, 161 УК РФ. Так, в определении суда указано, что апелляционная инстанция, оставляя приговор суда без изменений, не привела фактические данные в опровержение апелляционных жалоб осужденных и их защитников об отсутствии в действиях осужденных составов оспариваемых преступлений ввиду неотнесения криптовалюты к имуществу, об оспаривании суммы причиненного потерпевшим ущерба и законности определения его размера, а также об оспаривании допустимости доказательств — протоколов осмотров интернет-страницы с информацией о курсе криптовалюты к доллару США, хранящуюся на интернет-сайте. Суд кассационной инстанции указал, что, определяя размер похищенного имущества, следует исходить из его фактической стоимости на момент совершения преступления. При отсутствии сведений о цене стоимость похищенного имущества может быть установлена на основании заключения экспертов (абз. 4 п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»¹⁰). При этом учитывается лишь реально причиненный прямой материальный ущерб. Таким образом, суд кассационной инстанции высказался о незаконности состоявшегося судебного решения суда апелляционной инстанции в том числе и потому, что суд в полном объеме не привел фактические данные, опровергающие позицию стороны защиты, изложенную в апелляционных жалобах, по поводу того, что криптовалюта не является платежным средством на территории Российской Федерации, не имеет цены в рублевом эквиваленте. То есть в данных судебных решениях идет совершенно иная оценка обстоятельств совершенного противоправного деяния, в том числе в контексте отсутствия состава преступления, что, на наш взгляд, совершенно не учитывает фактических обстоятельств и общественной опасности посягательства, отсылая к формальным основаниям отсутствия правового регулирования. Что касается довода о признании недопустимым доказательством протокола осмотра интернет-страницы с информацией о курсе криптовалюты, то в данном случае даже при производстве соответствующей экспертизы необходимая информация в любом случае будет неофициальной, коммерческой и иной, не относящейся к официальному регулированию, поскольку иного не дано, а обратное бы искажало саму суть децентрализованных криптовалютных технологий.

⁷ В официальных источниках опубликовано не было.

⁸ См.: Росс. газ. 2019. 7 марта.

⁹ См.: Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 09.09.2020 г. по делу № 7У-10543/2020 [77-1839/2020] // В официальных источниках опубликовано не было.

¹⁰ См.: Росс. газ. 2003. 18 янв.

Однако в науке права предлагаются различные варианты установления суммы ущерба от хищения криптовалюты. Например, О.Н. Тисен предлагает устанавливать стоимость криптовалюты, используемой при совершении преступления, путем обращения к сайту обозревателя блоков системы блокчейн, если речь идет о криптовалюте биткоин и скриншот с соответствующей информацией приобщать к материалам уголовного дела, а если криптовалюта приобреталась на конкретной бирже, то рассчитывать эквивалент ее стоимости на сайте биржи путем введения даты покупки и валюты в рублях¹¹. При этом гарантировать, что такое доказательство будет признано допустимым судом при рассмотрении уголовного дела, невозможно ввиду отсутствия единообразной судебной практики и правового регулирования.

Аналогичным образом с отсутствием законодательной базы по вопросам квалификации хищений виртуальных активов столкнулся Советский районный суд г. Махачкалы, вынося постановление о возвращении прокурору уголовного дела в отношении Г.¹² по ч. 2 ст. 272, ч. 2 ст. 159⁶ УК РФ. В частности, суд указал, что согласно предъявленному обвинению Г. осуществил из корыстной заинтересованности неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации (получил доступ к аккаунту потерпевшего в интернет-приложении, на котором функционирует криптовалюта «Yusra»), после чего путем вмешательства в функционирование информационно-телекоммуникационных сетей похитил чужое имущество с причинением значительного ущерба гражданину (похитил из личного кабинета потерпевшего 700 электронных токенов криптовалюты). Указанные действия были квалифицированы соответственно по ст. 272 и 159⁶ УК РФ. В качестве оснований для возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ суд указал, что предметом преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ, является только охраняемая законом компьютерная информация, к которой интернет-приложение, обеспечивающее функционирование токенов криптовалюты, и данные личного кабинета этого приложения не относятся, а обвинение в совершении двух преступлений, имеющих различный объект посягательства, не конкретизировано и фактически продублировано. Кроме того, суд посчитал, что ущерб в сумме 135 100 руб. (стоимость токенов) установлен только на основании показаний потерпевшего и обвиняемого, что, по мнению суда, является недостаточным, так как не отражает объективную стоимость похищенной криптовалюты. Суд совершенно справедливо посчитал, что указанные нарушения могут быть восполнены путем предъявления нового обвинения и устранения недостатков и неполноты следствия, установленных судом. В частности, стоимость похищенного имущества при отсутствии сведений о цене может быть установлена экспертным путем. Однако с выводом суда о том, что одних только показаний потерпевшего и обвиняемого недостаточно для того, чтобы сделать вывод о сумме ущерба, автор согласиться не может, поскольку согласно ст. 74 УПК РФ указанные показания относятся к числу доказательств, а их достаточность или недостаточность не являются основаниями для возвращения уголовного дела прокурору. Вместе с тем анализ указанного постановления суда характеризует основной посыл судебной практики на конкретизацию положений уголовного законодательства

¹¹ См.: Тисен О.Н. Особенности доказывания легализации доходов, полученных в результате незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, с использованием криптовалют // Уголовное право. 2022. № 5. С. 60–71.

¹² См.: Постановление Советского районного суда г. Махачкалы от 09.03.2021 г. по делу № 1-499/21. URL: https://sovetskiy-dag.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=85213667&delo_id=1540006&new=0&text_number=1

в части признания виртуальных активов иным имуществом и дачи руководящих разъяснений Пленумом Верховного Суда РФ относительно объекта посягательства и предмета преступления при рассмотрении уголовных дел, связанных с оборотом криптовалюты. Отсутствие указанных разъяснений напрямую связано с уровнем наказуемости таких деяний.

С точки зрения А.И. Рарога, наказуемость характеризует не сущность преступления, а неизбежное юридическое последствие такового¹³. Очевидно, что при явной общественной опасности рассмотренных выше преступлений такие юридические последствия для виновного лица наступают не всегда, и не потому, что суды не склонны считать такое поведение преступным, а лишь потому, что отсутствует конкретная норма закона, позволяющая судам реализовывать уголовную политику государства в вопросах воздействия на преступника и восстановления социальной справедливости, иными словами, формирования адекватного ответа на запрос общества и защиту его ценностных ориентиров. Для того чтобы воздействие было адекватным, необходимо соотношение его содержания и объема с существующими культурными ценностями¹⁴.

Предусмотренная ст. 14 УК РФ «угроза наказания», по мнению А.Н. Петрушенкова, не позволяет в полной мере реализовать признак наказуемости в правоприменительной деятельности, поскольку материальность данного признака основана на оценке государством потенциальной степени общественной опасности соответствующих деяний, выражающихся в санкциях уголовно-правовых норм¹⁵. Вместе с тем отсутствие норм о противоправном поведении не исключает общественной опасности, таким образом, стоит согласиться с мнением ряда авторов о том, что наказуемость как признак преступления выходит за пределы его отождествления с санкцией уголовно-правовой нормы¹⁶.

Общество в вопросах виртуализации своих активов и их места в системе ценностей уже определилось и ожидает, что государство в состоянии защитить эти ценности уголовно-правовыми мерами наряду с иными материальными активами. Любой гражданин, ставший жертвой компьютерных мошенников, потерявший криптовалюту, токены, цифровые активы и прочее электронное имущество, рассчитывает, что преступник будет наказан, а ущерб, причиненный указанным лицом, будет возмещен. Однако на практике такое случается не часто.

По справедливому утверждению Н.Д. Дурманова, отсутствие наказуемости стирает грань между преступлением и не преступлением¹⁷, что, в свою очередь, размывает понятия общественной опасности безнаказанных посягательств. В результате с легкой руки законодателя, который более 10 лет не может определиться с правовым статусом криптовалют, общество получает совершенно иную реакцию государства на свои запросы, что формирует убеждения одних в безнаказанности своих действий, а других в невозможности добиться справедливости от государства, призванного обеспечивать их защиту. Таким

образом, наказуемость деяния, несмотря на отсутствие конкретно-определенной нормы уголовного закона, является, как обоснованно указывает В.В. Хилота, проявлением его уголовной противоправности, так как нарушение формальных предписаний запускает механизм приведения в действие наказания¹⁸. Следовательно, в настоящее время имеет место несогласованность науки уголовного права и судебной практики, безусловно признающих общественную опасность преступлений, посягающих на виртуальные активы как на объект преступления, и не всегда наказывающих за такие деяния, что влечет существенные практические проблемы в работе правоохранительных органов.

Судебная практика показывает, что уголовная наказуемость преступлений, связанных с оборотом криптовалюты, в случае отсутствия совокупности с другими более тяжкими составами судами минимизируется, такой подход к рассмотрению уголовных дел сводит на нет работу правоохранительных органов по противодействию рассматриваемым преступлениям, порождает безнаказанность. В частности, если обратиться к базе данных «Судебные и нормативные акты Российской Федерации» (www.sudact.ru), то можно обнаружить чуть более 30 приговоров суда по уголовным делам о мошенничестве, грабеже и вымогательстве с использованием криптовалюты или в отношении криптовалюты с 2017 по 2020 г. Очевидно, что статистика за 2021 и 2022 гг. еще не опубликована, однако полагаем, что и она незначительно увеличит указанные цифры. Связано это с изложенным выше обстоятельством отсутствия единой правовой основы расследования таких уголовных дел и рассмотрения их в последующем в суде.

В большей степени уголовные дела о хищениях виртуальных активов не представляются в суд ввиду отказа в возбуждении уголовных дел по данным фактам еще на стадии проверок по заявлениям потерпевших.

Отдельной категорией уголовных дел, связанных с оборотом криптовалюты и не вызывающих особых сложностей с квалификацией, являются уголовные дела о незаконном обороте наркотических и психотропных веществ. Наркотрафик, как и любое направление преступной деятельности, дал старт развитию криптовалютных технологий и определил их выход в широкие массы, сделав псевдоанонимность одним из своих привлекательных свойств.

Если обратиться к статистике рассмотренных уголовных дел с вынесением обвинительного приговора за оборот наркотических и психотропных веществ всё в тех же базах судебных решений (www.sudact.ru), то можно увидеть динамику их наказуемости. Так, с 2016 по 2022 г. вынесено более 1060 приговоров о преступлениях, предусмотренных ст. 228, 228¹ УК РФ, из них более 280 приговоров в совокупности с преступлениями, предусмотренными ст. 174 и 174¹ УК РФ, в случаях, если доказано, что криптовалюты, полученные от незаконного оборота наркотических и психотропных веществ, дополнительно использовались в целях легализации преступных доходов.

* * *

Таким образом, наказуемость преступлений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты, незначительными темпами, но все же увеличивается и стабилизируется. Судебная практика фактически самостоятельно формирует направление уголовной политики государства, несмотря на отсутствие реального участия законодателя в этом процессе, ограничившегося

¹³ См.: Рарог А.И. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учеб. для вузов / под ред. А.И. Рарога, А.С. Самойлова. М., 2005. С. 97.

¹⁴ См.: Бибик О.Н. Наказуемость как признак преступления // Вестник Омского ун-та. Сер. «Право». 2008. № 2 (15). С. 123–126.

¹⁵ См.: Петрушенков А.Н. Современные проблемы реализации признака наказуемости преступления в Общей и Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Пробелы в росс. законодательстве. 2018. № 5. С. 137–142.

¹⁶ См.: Кашепов В.П., Голованова Н.А., Гравина А.А. и др. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства / отв. ред. В.П. Кашепов. М., 2018.

¹⁷ См.: Дурманов Н.Д. Понятие преступления. М., 1948. С. 191.

¹⁸ См.: Хилота В.В. Преступление и его признаки: проблемы доктринальной оценки // Актуальные проблемы росс. права. 2021. № 3. С. 110–123.

принятием Федерального закона о ЦФА. Вместе с тем грани между преступлением и не преступлением должны обозначаться более конкретно, дабы не оставлять правоприменителей один на один с инновационными технологиями и отстающими нормами законодательства. На наш взгляд, стоит согласиться с мнением ряда авторов о том, что правовое регулирование криптовалют должно быть гибким, принятие решений — научно обоснованным, системным, дабы не свести на нет все усилия государства по внедрению цифрового инструментария¹⁹.

Недопустимо в правовой системе, не являющейся прецедентной, чтобы суд, пусть даже кассационной инстанции, формулировал выводы, например, о том, что криптовалюта относится к объектам гражданских прав, поскольку это обстоятельство должно быть регламентировано законодательно, и, несмотря на то что автор согласен с этим утверждением, суд третьей инстанции, при всем уважении, относится к судебной власти, а не законодательной. В этом, однако, присутствует вина самого законодателя, который никак не придет к указанному выводу, в связи с чем практика различных судов формируется по внутреннему убеждению судей и, соответственно, не является единообразной. Таким образом, по нашему мнению, в ситуации правовой неопределенности необходимы разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по вопросам относимости криптовалюты и иных виртуальных активов к иному имуществу, уточнению предмета преступления по делам о хищениях, конкретизации перечня доказательств, на основании которых суд может прийти к достоверному выводу о сумме причиненного ущерба и стоимости криптовалюты, а также о критериях оценки указанных доказательств судом при вынесении приговора. Соответствующие разъяснения будут формировать правильное применение норм уголовного закона и повысят качество направляемых уголовных дел, что, в свою очередь, сделает общественно опасные деяния, совершаемые с использованием криптовалюты, наказуемыми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бибик О.Н.* Наказуемость как признак преступления // Вестник Омского ун-та. Сер. «Право». 2008. № 2 (15). С. 123–126.
2. *Дурманов Н.Д.* Понятие преступления. М., 1948. С. 191.
3. *Калмыков П.Д.* Учебник уголовного права, составленный по лекциям профессора П.Д. Калмыкова А. Любавским: части: общ. и особ. СПб., 1866. XVI. С. 147.
4. *Кашепов В.П., Голованова Н.А., Гравина А.А. и др.* Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства / отв. ред. В.П. Кашепов. М., 2018.
5. *Малько А.В., Солдаткина О.Л.* Приоритеты российской правовой политики и изменения права в условиях цифровизации // Журнал рос. права. 2019. № 9. С. 5–19.

Сведения об авторе

ДОЛГИЕВА Мадина Муссаевна — кандидат юридических наук, советник юстиции, прокурор Главного уголовно-судебного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации; 125993 г. Москва, ул. Б. Дмитровка, д. 15а, стр. 1
ORCID: 0000-0001-8308-6038

¹⁹ См.: *Малько А.В., Солдаткина О.Л.* Приоритеты российской правовой политики и изменения права в условиях цифровизации // Журнал рос. права. 2019. № 9. С. 5–19.

6. *Петрушенков А.Н.* Современные проблемы реализации признака наказуемости преступления в Общей и Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Пробелы в рос. законодательстве. 2018. № 5. С. 137–142.
7. *Рарог А.И.* Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учеб. для вузов / под ред. А.И. Рарога, А.С. Самойлова. М., 2005. С. 97.
8. *Тисен О.Н.* Особенности доказывания легализации доходов, полученных в результате незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, с использованием криптовалют // Уголовное право. 2022. № 5. С. 60–71.
9. *Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н.* Право в условиях цифровой реальности // Журнал рос. права. 2018. № 1. С. 85–102.
10. *Хилыута В.В.* Преступление и его признаки: проблемы доктринальной оценки // Актуальные проблемы рос. права. 2021. № 3. С. 110–123.

REFERENCES

1. *Bibik O.N.* Punishability as a sign of a crime // Herald of the Omsk University. Ser. "Law". 2008. No. 2 (15). P. 123–126 (in Russ.).
2. *Durmanov N.D.* The concept of crime. M., 1948. P. 191 (in Russ.).
3. *Kalmykov P.D.* Textbook of criminal law, compiled according to the lectures of Professor P.D. Kalmykov A. Lyubavsky: parts: general and special. St. Petersburg, 1866. XVI. P. 147 (in Russ.).
4. *Kashepov V.P., Golovanova N.A., Gravina A.A. et al.* Criminalization and decriminalization as forms of transformation of criminal legislation / res. ed. V.P. Kashepov. M., 2018 (in Russ.).
5. *Mal'ko A.V., Soldatkina O.L.* Priorities of Russian legal policy and changes in law in the conditions of digitalization // Journal of Russ. law. 2019. No. 9. P. 5–19 (in Russ.).
6. *Petrushenkov A.N.* Modern problems of the implementation of the sign of the criminality of a crime in the General and Special parts of the Criminal Code of the Russian Federation // Gaps in Russ. legislation. 2018. No. 5. P. 137–142 (in Russ.).
7. *Rarog A.I.* Criminal Law of the Russian Federation. General part: textbook for universities / ed. by A.I. Rarog, A.S. Samoylov. M., 2005. P. 97 (in Russ.).
8. *Tisen O.N.* Features of proving the legalization of income received as a result of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances using cryptocurrencies // Criminal Law. 2022. No. 5. P. 60–71 (in Russ.).
9. *Khabrieva T. Ya., Chernogor N.N.* Law in the conditions of digital reality // Journal of Russ. law. 2018. No. 1. P. 85–102 (in Russ.).
10. *Khilyuta V.V.* Crime and its signs: problems of doctrinal assessment // Actual problems of Russ. law. 2021. No. 3. P. 110–123 (in Russ.).

Authors' information

DOLGIEVA Madina M. — PhD in Law, Adviser to Justice, Prosecutor of the Main Criminal-Judicial Department, Prosecutor General's Office of the Russian Federation; 15a, bld. 1 B. Dmitrovka, 125993 Moscow, Russia